

Театр Товстоногова

К 70-летию известного советского режиссера

но тогда и подумалось: был бы у меня такой режиссер! Через несколько лет я был приглашен Георгием Александровичем к нему в театр в Ленинград. Тридцать пятый год я работаю с ним. И каждая новая работа, роль, спектакль — это совместный поиск, содружество, что является характерной чертой режиссерского метода Товстоногова... Трудно, просто порой совершенно невозможно определить, сказать, после того, как спектакль готов: вот это — мое, а это — его. Идем всегда вместе, все вместе работаем, импровизируем, пробуем, отбираем...

Подчеркивают значение школы Товстоногова в их творческой жизни В. И. Стрельчик и К. Ю. Лавров, говорят о стиле его работы с людьми, о том, что они привыкли «понимать друг друга с полуслова, с интонации, взгляда». От «стариков» и молодых актеров мне не раз приходилось слышать (за долгие годы знакомства с БДТ) о способности режиссера, педагога Товстоногова понимать, чувствовать природу актера, об умении тактично, чутко, предельно осторожно обращаться с актерской индивидуальностью, учитывать данные и возможности каждого и раскрывать их в совершенно подчас неожиданных поворотах-образах. Товстоногов, безусловно, обладает талантом психолога, особенным внутренним чувством угадывать то, что и самому актеру чаще всего неведомо, — потенциальные возможности человека, его внутренний актерский заряд.

Так, например было с назначением Кирилла Лаврова на роли Молчалина («Горе от ума») и Горюхи («Ревизор»). «Никто, как мне кажется, — говорит артист, — до Товстоногова не видел таким Горюхиного... Прошли годы, а я и теперь тщательно готовлюсь к каждому спектаклю, думаю, как играть, какой он, мой Горюхиный... Наверное, поэтому и спектакль получился весь из-за необходимости видения режиссера таким свежим, точным, гоголевским». Умение по-особенному видеть и чувствовать актера приводит порой в работе с Георгием Александровичем к чересчур рискованному (если не сказать большому!) «крутым поворотам», когда кажется, что все

закончено, остаются считанные дни до генеральной репетиции... И принимаются решения... Так за три дня до генеральной был введен на роль Алексея в «Оптимистической трагедии» молодой актер Андрей Толубеев. Я была на этой памятной репетиции. Сначала мелькнуло: «Почему? Зачем? Возможно ли?» А через минуту уже невозможно было оторваться от сцены, от того чуда, которое перед тобой совершалось: рождение нового Алексея! Я хорошо помню первую постановку «Оптимистической», за которую Г. А. Товстоногов как режиссер и народный артист СССР Ю. В. Толубеев (за роль Вожака) были удостоены звания лауреатов Ленинской премии. И вот снова «Оптимистическая». Все было ново, неожиданно, будто и пьеса иная, хотя ни одного авторского слова режиссер не опустил. И, конечно, поражающая виртуозностью метаморфоз в каждом выходе А. Толубеев — Алексей, ставший тем событием, той неожиданностью, которая и всей постановке придала определенный тон.

Какова личность творца, каковы его взгляды, вкусы, его мировоззрение, таковы и его творения, ибо всегда лицо художника, его внутренний мир отражаются в «содержании». Спектакли Товстоногова — это всегда борьба с бездуховностью, с пошлостью, равнодушием и гражданской пассивностью, с мешанинами всех разновидностей, с духовными варварами и дачниками, это всегда вера в добро, человека, всегда борьба за светлое, гуманистическое. Он, пожалуй, единственный среди режиссеров, кто имеет гражданское мужество не выпустить уже готовый спектакль, если сам считает его недостойным внимания зрителя. Или убрать из репертуара уже идущий, если он, режиссер, считает спектакль «не подымавшимся до должной высоты». У него всегда есть четкая своя позиция, что сказывается в его творчестве и не может не влиять на актеров, являясь одной из черт школы Товстоногова, — говорит артист А. Толубеев. — Он строгий учитель, у которого каждая репетиция — урок и контрольная одновременно, здесь от актера режиссер добывается, как правило,

большого, чем ожидает порой сам исполнитель роли...».

Известно, что не всегда все ровно в искусстве. Бывают неудачи, трудности, огорчительные для коллектива и режиссера. Но в БДТ умеют правильно оценить их, с тем чтобы театр двигался вперед, не останавливаясь на достигнутом.

Интересно, что молодежь, которая ничуть не меньше «стариков» побаивается своего строгого педагога-режиссера (к нему нельзя прийти на репетицию неподготовленным, расклябанным, неаккуратным, он сам пример собранности, творческого горения, подтянутости, изящества), с уважением называет его рыцарем театра, а не «диктатором», хотя сам Георгий Александрович на своем творческом вечере в концертной студии в Останкино говорил о пылающей в его театре «добровольной диктатуре». Диктатурой не добьешься единомыслия, а коллектив товстоноговцев, коллектив БДТ — настоящие единомышленники, что и сказывается в каждом спектакле, в редкой ныне ансамблевости.

Да, работать с Товстоноговым интересно, трудно, познавательно. Как человека доверчивого его можно обмануть, но как художника — никогда! У него тонкое чутье на малейшую фальшь в искусстве, творчестве. И этого он не прощает никому. В жизни он, как говорит Евгений Алексеевич Лебедев, обидчив, как ребенок, но быстро отходит и сам же умеет первым подшутить над собой, над своими слабостями. А это не каждому дано.

Он умеет поднять дух на репетиции и перед трудным спектаклем, вселить веру в актера, умеет и пошутить, и рассказать анекдот. Живое действо создается живым участием режиссера и труппы.

Он всегда в театре и с театром. Одним из первых приходит и последним уходит. К нему идут люди с самыми разными вопросами, просьбами, идут за советом, поделиться радостью или со слезами...

Таков театр Товстоногова. БДТ. Таковы слагаемые жизни этого театрального коллектива.

Алла РОМАНЕНКО.

Театр Товстоногова — закономерное продолжение и развитие учения Станиславского. Театр со своим лицом, постоянной, твердой репертуарной политикой, со своей эстетикой и этикой, со своим лидером, постоянством вкусов и неизменною пристрастий — это БДТ, это коллектив единомышленников, создававшийся десятилетиями в неустанном труде и поисках, в радостях и огорчениях, без которых немисливо творчество. Дорога эта не была гладкой, но, если окинуть взглядом все содеянное за эти годы, результат будет налицо. «Мешани», «Идиот», «Тихий Дон», «Перечитывая заново» — все на этом пути.

Георгий Александрович Товстоногов начинал актером и ассистентом режиссера в русском ТЮЗе Тбилиси, затем учеба в Москве на режиссерском факультете ГИТИСа, где его педагогами были А. М. Лобанов и А. Д. Попов; с 1938 г. работал режиссером в Русском драматическом театре им. А. С. Грибоедова в Тбилиси, затем — Москва, режиссер Центрального детского театра, Ленинград, театр им. Ленинского комсомола и, наконец, с 1956 г. — БДТ. В Тбилиси начал преподавать — вел курсы актерского мастерства вместе с Евгением Лебедевым, который был педагогом на курсе. Как вспоминает Евгений Алексеевич, «уже тогда, когда мы были ооо молоды, когда Товстоногов только начинал работать как режиссер и педагог, я почувствовал себя учеником, а не педагогом рядом с ним... Вот имен-